

– Кто же не любит Чехова? – услышала я в молодые годы. Я его не любила.

Спустя несколько лет мне пришлось сдавать экскурсию в двух залах Литературного музея А.П. Чехова. В то время экспозиция, созданная к 100-летию со дня рождения Чехова и доживающая последние дни, располагалась в городской библиотеке его же имени. Знания для экскурсии я нарабатывала две недели, выглядывая из-за высоченных стоп с книгами. В эти дни я его любила. Неужто правда мы любим то, что знаем, что постигли, умеем?!

– Она чеховская натура.

Кто это? Я смотрела вокруг, пытаюсь понять, о ком так высоко сказала авторитетнейший биограф Чехова, исследователь, театральный критик Алевтина Павловна Кузичева. Спросить было неловко, скорее – невозможно. Чеховская натура! Чеховский человек! Кто они? Вероятно, это сродни доброкачественной заразе подвига, думала я. Это есть, присутствует в жизни, но мало заметно.

Прошли годы. Мне доверяют говорить о Чехове на конференциях, экскурсиях, в статьях. Но я его мало знаю. Но люблю. Люблю, как любят весну, ясное утро, природу, родину, родных, нужное слово. Не знаю потому, что его слово невероятно глубоко, его рассказы, пьесы, письма – на все годы жизни. Только стоит перечитать, и кажется, что это случилось впервые. Открываются новые смыслы, чувства. Нам не дано сравниться с его словом, но мы можем приблизиться к его делам, поступкам, мы можем стараться жить по Чехову.

Чехов оставил нам, по меньшей мере, три завета. Вспомним его письмо к брату Михаилу, в котором гимназист 8-го класса просит «сознавать свое достоинство». А письмо к брату-художнику? К «шалаберничающему» Николке? Да, мы помним и между собой называем его нравственным кодексом для Человека. А еще. А еще письмо к родным 3 августа 1901 года, когда смертельно больной писатель просит жить мирно, беречь мать, помогать бедным. Как здесь не вспомнить письмо деда Егора Михайловича, который незадолго до кончины вывел формулу праведной жизни, следуя за мыслью епископа Митрофана Воронежского! В январе 1879 года он напишет сыну Павлу: «Яждь мало, пей водки и вина умеренно – здрав будеши. Бегай злого, делай благо – спасен будеши, а вся последняя приложатся вам». Это звучит завещанием и сравнимо с голосом внука Антона устами доктора Астрова: «В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли».

Чехов жил в эпоху пара и первых аэропланов, но никто, как он, не стал на защиту не только русского леса, но и всего того громаднейшего живого организма, который мы определяем одним словом: природа. Если защитника русского леса доктора Астрова знают многие, знают его крылатое «Русские леса трещат под топором...», то Луку Бедного из рассказа «Свирель» читатели пока заметили мало, а между тем в «Свирели» 27-летний Чехов сумел приоткрыть завесу будущего, а нашего – настоящего. Пастух Лука Бедный играет на свирели, пасет «спутанных лошадей» да все время божьи дела примечает зорко, и зоркость его пронзительней гётевского Линкея. Лука видит, как «весь мир идет прахом». А потому вслед за Лукой так и хочется повторять: «И солнце, и небо, и леса, и реки, и твари – все ведь это сотворено, приспособлено, друг к дружке прилажено. Всякое до дела доведено и свое место знает», а потому рушить его нельзя. В наши дни два чеховских героя – доктор и пастух, «акромя хлебушка» ничего не видевший, вышли на авансцену нашей жизни, как никогда прежде связали вчера и сегодня. О связи времен, о бесконечной цепи, которая соединяет нас с прошлым и указывает на будущее, – любимый рассказ Чехова «Студент». Мы, обращаясь к Чехову, «Пушкину в прозе», «Слову о полку Игореве», русской литературе вообще, становимся участниками движения по той незримой, но действенной цепи истории жизни. И если ее не знать, значит, стать иванами не помнящими родства и погибнуть.

Чехов соединил время и людей, он указал нам путь к правде и красоте.

Жить по Чехову! Если строго и пристально, лично мне далеко до этого. Порой кажется, что где-то рядом витает слабый дух Николая Чехова, но мне известны другие натуры, кто так или иначе живут по Чехову. Возьмем, к примеру, известного в культурной среде Таганрога Владимира Дорду. Иногда он мне напоминает русского мужика (хотя на русского мужика он так мало похож), который, прибыв на непаханое поле, поплевав по обычаю на руки, срубил баньку, избу, обустроив красный угол, засеивал поле и растил хлеб. Владимир Жоржевич рассказывал, как однажды почувствовал душевный недуг и понял, что не надо идти на поводу своего физического состояния, надо спасаться делом, надо что-то предпринять, действовать, жить с пользой.

– А что я могу? Не так много, но я люблю книги, чтение, бываю на презентациях. Так почему

бы не пополнять книгами городскую библиотеку, как это делал Чехов?

У Володи Дорды все получилось. Пристальное внимание к книжным новинкам и авторам, знание иностранных языков творят чудеса. За три года библиотека значительно пополнилась новыми поступлениями книг. Как Антон Павлович просил одноклассников, знакомых авторов, издателей присылать книги «для своей библиотеки», так и Дорда поступает. Любовь к Чехову, малой Родине писателя творят чудеса. Авторы, издатели почитают за честь, сами начинают жить по Чехову и шлют только что увидевшие свет книги, часто с автографами. География посылок велика, а количество превзошло две тысячи наименований. Многие из них имеют надписи: «В дар Чеховской библиотеке от автора...», что придает делу особую ценность, широкий культурный размах. Книги шлют из Греции, Болгарии, Германии, Великобритании, Австрии, Польши, Казахстана, Азербайджана. География посылок такова, что можно играть в слова. Книги прислали из Якутии, Татарстана, Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Благовещенска-на-Амуре, Пскова, Саратова, Липецка, Владимира, Костромы, Иваново, Сергиева Посада, Краснодара, Сызрани, Анапы, Ростова-на-Дону, Таганрога.

По-чеховски щедр уроженец Таганрога, известный писатель Вацлав Михальский. Вацлав Вацлавович прислал, можно сказать, целый транспорт книг – 15 комплектов своего собрания сочинений в 10 томах, отдельные издания как для Центральной городской публичной библиотеки, так и для ее филиалов.

Когда мы выходим из своих дворов в городские кварталы и обихаживаем их – мы живем по Чехову. Когда мы высаживаем деревья, цветы и не даем им засохнуть, мы живем по Чехову. Да, мы не открываем школы и аптечные пункты для крестьян, как это делал писатель, их у нас достаточно, но когда мы в свой выходной проводим бесплатные беседы, образовательные экскурсии по историческим местам города, как это делают таганрожцы Елена Ермолова, Игорь Павленко, Альберт Смирнов, мы живем по Чехову. Мы жили по Чехову, когда помогали беженцам с Украины, не отказывая в приюте, устраивая на работу.

Питер Генри, профессор университета Глазго, жил по Чехову, когда продал свою просторную квартиру и поселился в крошечной, чтобы издать трехтомник, посвященный русскому писателю Всеволоду Гаршину, тому самому Гаршину, который по прочтении повести «Степь» провозгласил: «В России появился новый первоклассный писатель!».

Славист из Лондона Дональд Рейфилд так увлечен нашим Чеховым, что прошел и проехал по всем чеховским следам в России и Европе, много работал в архивах, зная язык любимого писателя в совершенстве и в итоге написал книгу, назвав ее просто: «Жизнь Антона Чехова». Дональд Рейфилд на своей усадьбе в пригороде Лондона вырастил вишневый сад, саженцы привез из России. Как братья Чеховы в Мелихове, профессор обустроил пруд и запустил в него головастиков, вывезенных из России самым законным путем. Теперь лягушки с русской родословной устраивают концерты на английской земле.

А в 70 километрах от Таганрога в слободе Большекрепинской каждый год в день рождения писателя школьники играют Чехова, а это значит, что у них есть костюмы, изготовленные вместе с родителями, реквизит, составленный из семейных вещей старшего поколения или сработанный своими руками на уроках труда. Общими усилиями собирается книжная «Чеховиана». Всей этой деятельности способствуют близость Таганрога, где родился А.П. Чехов, служба дедушки Чехова Егора Михайловича управляющим в имении наследников атамана Матвея Ивановича Платова, героя войны 1812 года, и рождение старшего брата писателя Александра Чехова в слободе Большекрепинской в годы Крымской войны, приезды братьев Чеховых к дедушке и бабушке в дни гимназических каникул. Все перечисленное выше может осуществляться, быть, жить благодаря усилиям педагогического коллектива школы во главе с ее директором Т.В. Оноприенко и при безусловной поддержке родителей. Учащиеся школы только начинают жить по Чехову. Они еще только учатся, узнают много нового для себя и наверняка вот-вот услышат от своих учителей слова писателя-земляка: «Все мы народ, и все лучшее, что мы делаем, есть дело народное».

Это и есть жить по Чехову. Жить по Чехову просто.